

Светлана Борзунова

Светлана Борзунова родилась в Томске, окончила там университет, работала журналистом. В Благовещенске живет с 1986 года. Амурцам ее стихи сразу понравились. А врач, он же композитор, Сергей Зражевский написал на ее тексты несколько песен и сейчас, заделавшись американцем, поет Светланины стихи эмигрантам в Сиэтле - врачует их от ностальгии (или наоборот?).

Светлана работает заместителем главного редактора «Амурской правды». Она автор четырех стихотворных сборников, лауреат Амурской премии в области литературы и искусства за книгу стихов «Пока еще люблю», член Союза писателей России.

* * *

Неестественный отбор:
газик врезался в забор.
В чистом поле выпал снег -
заблудился человек.
Этот спился, этот сдал,
тот от поезда отстал.
Через горе и беду
в одиночестве бреду.

* * *

Слава Богу, не под забором,
слава Богу, в своей постели
ты ушел. Над Амурским хором
тихо ангелы пролетели.
И роняли из крыльев перья
на баян твой, на душу живу,
на жену в слезах, на неверье,
на привычную страсть наживы.
Провожали тебя роскошно.
Обещали любить и помнить.
И простили - что невозможно.
Ты давно всех простил и понял.

* * *

Провожаем, провожаем, провожаем
близких сердцу до последнего предела.
Уплывают, улетают, уезжают
белым облаком по небу, сизым снегом.
Простирай - не простирай в бессилье руки,
краток век наш на земле и быстротечен.
На печали неминуемой разлуки
обрекли нас всех в минуты первой встречи.
Но когда у нас ночами, безутешных,
от отчаянья и горя едет крыша,
возвращаются друзья из тьмы кромешной,
нас прощают, и отвечают, и слышат.

* * *

Лето - синим, осень - алым,
а зима - белым-бела.
Я не очень опоздала,
я под занавес пришла.
Было небо дымно-мглистым.
Но уверенно и в срок
мне усталые статисты
доиграли эпилог.
Выл злорадно ветер лютый,
так, что кругом голова.
И суфлер бесстыдно спутал
предпоследние слова.

* * *

«Мальчик мой!» - «Моя девочка!» Боже,
каждый каждому мать и отец.
От любовной до губительной дрожи
трепетание слабых сердец.
Мы пойдем за последним порогом,
приоткроется истины дверь:
мы бессмертны пред миром и Богом.
Мальчик мой, ты, пожалуйста, верь...

* * *

Друг к другу жмемся в поисках тепла.
Разбито сердце и душа на части.
«Я так тебя любил». - «Я так ждала».
Обнимемся, коллеги по несчастью.
И вот, отжив, отплакав, отлюбя,
в последнем беспощадном откровенье:
«Я не тебя любила, а себя».
«Я не тебя хотел, а воплощенья».

* * *

Ты, мое сокровище,
на блесну не ловишься.
Сазаном в кукан, фазаном в капкан,
беляком в петлю,
в «я тебя люблю».

* * *

А черемуха цвела
наизнос, навзрыд, дотла.
А с черемухой всегда
приходили холода.
После ягоды взялись.
А потом иссякла жизнь.

* * *

Опять ко мне пришел во сне.
Спасибо, не ждала.
Тебе (во сне приснилось мне)
я сына родила.
От слез, от утренней зари
я родила, любя.
Я ликовала: посмотри,
глаза, как у тебя.
Твой подбородок, нос и рот,
но главное - глаза.
«Да он не плачет, он поет!» -
ты мне во сне сказал.
И вифлеемская звезда
горела, словно кровь.
И утекала в никуда
бесплодная любовь.

* * *

По ночам золотые искры
осыпались с лампы настольной.
Приходили черные кошки
и царапали очень больно.
И любовь расплывалась дымом,
и судьба расплывалась кровью,
и мечта проплывала мимо,
и стояла смерть наготове.
В этом призрачном зыбком свете,
в этом холоде беспощадном
тосковала душа о лете,
о тепле его, знойном, жадном.
Распадалась душа на части.
И метель за окошком пела.
...Кот был чистым, ангорской масти
и бесстыдно, бесстыдно белым.

* * *

Девять муз вприскачку - в круг!
С ними - вскачь! - вчерашний друг
прыгал, дергался, шнырял -
где он душу потерял?
Умолял меня вернуть
им утраченную суть.
Я б, конечно, отдала,
но не я ее взяла.
И копытом между глаз
нас обоих бил Пегас.

* * *

Ты вернешься, куда ты денешься,
из Америк и из Канад.
В небесах неразменной денежкой
завитинская (блин!) луна.
Манит грязь наша непролазная,
наши нищие города.
Мы с тобою еще отпразднуем
возвращенье твое сюда.

* * *

Грядущего счастья предтечи
мелькали среди лютой зимы.
И все намекали на встречу,
которой не чаяли мы.
Весна невзначай напевала
беспечный и юный мотив.
И жизнь начиналась сначала,
хотим ли того, не спросив.
Апреля веселые тайны
звенели - ясны и чисты.
И в каждом прохожем случайном
мне явственно виделся ты.

* * *

Километры от бессонниц до бессонниц.
Сердце бьется тяжело и неустанно.
Чем сильней гудит тоска, тем непреклонней
бьет тайфун в тугие скулы океана.
То-то волны разгулялись свыше меры -
это я тебя сквозь полночь окликаю.
Молча встанут на пороге Кордильеры
и тоску мою к тебе не допускают.
Оттого что мне ночами одиноко,
в срок - зимою - задувают беспощадно
к вам на Запад ветры с Дальнего Востока
и весною возвращаются обратно.

* * *

Притвориться спящим, притвориться,
что иссякли зрение и слух.
Не слышать, как кличет где-то птица.
Что за птица? Господи, петух!
И вульгарно, радостно и живо
пусть петух споет: кукареку!
Жизни неистраченной порывы
поразгонят мелкую тоску.
Пусть споет - задорно и красиво,
предвещая радостный рассвет.
Дети вымирающей России
пения его не слышат, нет.

* * *

Учусь стареть. Не слишком-то выходит.
Сдвигает прочь с обочин молодежь.
Но встать и крикнуть при честном народе:
я жив еще! Я молод! Это ложь,
что я иссяк, измучен, исписался.
О, я еще могу! А что могу?
Последнюю строку ненужных стансов
недописать на тающем снегу.

* * *

Почему же, можно и начать
все сначала - Швеция, Канада...
Кто сказал, что Родина - нам мать?

Мачеха!

Танцуем до упада.
Нелегко разворовать леса
и озера, также реки, горы.
Это чьи там реют паруса?
Пращуров?
Танцуем до упора.
И - под клекот, лязганье и свист -
мы - вприпрыжку пляшем, резво, споро.
Это кто так верил в коммунизм?
Всем привет!
Стреляем до упора.

* * *

Артисты ни при чем. Они извечно нищи.
Изношенный костюм да рваный балаган.
России не впервой брести по пепелищу,
Показывая всем изорванный карман.
Мы клоуны. Алле! Танцуем на манеже
зевакам напоказ. Парам-парам-парам!
А где-то лист ветлы
очнется юный, свежий,
и тихо шлет привет непознанным мирам.

* * *

Коснется души аромат хризантем -
ноябрьского снега волнующий запах.
Привет из минувшего, весточка к тем,
кто в небо ушел в черных лентах из крапа.
За пазухой прячу от снега цветы.
В автобусе тряска, и холод, и мука.
Над всем этим бредом мне видишься ты -
мое забывание, страсть и разлука.
Ужели не встретимся? Право, смешно
в бессмертии плакать о смертном апреле.
Из вечности лютой проявится дно
той чаши, что в жизни допить не успели...

* * *

Чудесный день - забава и судьба.
Букет цветов и плитка шоколада.
Письмо любви - но от кого не надо
и треск патриотических рубах.
Пора, пожалуй, с вилами к Кремлю.
Кошель мой пуст - в нем денег нет на вилы.
Люблю того, кого всегда любила.
И я останусь с тем, кого люблю.

* * *

Полувесна, полузима.
Я с детства не любила март.
Захлестывало разум.
На жухлых травах иней сед.
И проявлялся темный след
на всех дорогах сразу.

Тянуло к мелу и углю.
Я говорила: я люблю.
Ты говорил: не надо.
Оставим глупую игру.
Я говорила: я умру.
Ты говорил: не надо.

Весны последнюю метель
я воплощала в акварель,
любви своей приметую.
Потом и лето отцвело.
И жизнь прошла, и все прошло.
Да полно, было ль это?

Упало яблоко в траву.
Я умерла, а все живу.
И все что было - было.
И всякий август, всякий март
поет в душе моей азарт:
люблю! люблю! ...любила?